

УДК 930.008

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-48-54

Пенская Т. М.

Н.Н. СТРАХОВ, Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ, Ф. НИЦШЕ И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация

Данное эссе представляет краткий анализ исторических взглядов русского философа Н.Н. Страхова. Эти взгляды составили целостную систему и нашли свое отражение в серии работ Н.Н. Страхова. Последние увидели свет в конце 60-х – 90-х гг. XIX в. и связаны были с дискуссией вокруг книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Анализ исторических взглядов Н.Н. Страхова осуществлен с привлечением некоторых идей немецкого философа Ф. Ницше.

Ключевые слова: Россия; философия; теория истории; Н.Я. Данилевский; Н.Н. Страхов; Ф. Ницше.

Penskaya T. M.

NIKOLAI STRAKHOV, NIKOLAI DANILEVSKY, FRIDRICH NIETZSCHE AND RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE OF SECOND HALF 19th CENTURY

Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Abstract

The article presents a brief analysis of the historical views of the Russian philosopher Nikolai Strakhov. These views made an integrated system and were reflected in a series of N. Strakhov's articles and books. They saw the light at the end of the 60s-90s of the 19th century and were associated with the debate around N. Danilevsky's book "Russia and Europe". The analysis of historical views of N. Strakhov is carried out with the assistance of some ideas of German philosopher Friedrich Nietzsche.

Key words: Russia; philosophy; theory of history; Nikolai Danilevsky; Nikolai Strakhov; Friedrich Nietzsche.

Вторая половина XIX в. – время, когда российская историческая наука, выбравшись из пеленок, переживает подлинный расцвет. Она развивается и «вширь» (открывая для себя все новые и новые горизонты поиска), и «вглубь» (продолжая изучать более основательно старые, поднятые прежде темы). Полным ходом идет специализация исторического знания – на смену монументальным произведениям, таким, как, к примеру, знаменитая «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, приходят более «узкие» и по тематике, и по временному и территориальному охвату, работы; совершенствуется язык, который становится более строгим, научным, академичным – книги, написанные в карамзинском стиле, более не задают тон; активно публикуются первоисточники, как документальные, так и нарративные. И по мере накопления некоей критической массы исторического знания

возникает потребность в его осмыслении в философском и историософском смыслах, в формулировании ответа на старый вопрос, волновавший еще Нестора-летописца: «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть» [7, с. 7], или, выражаясь несколько иначе: «Кто мы и зачем пришли в этот мир?».

Собственно говоря, этот вопрос никогда не сходил с повестки дня среди мыслящей и читающей русской публики, однако именно в начале XIX в. он был поставлен со всей остротой, когда Россия ввязалась в общеевропейский конфликт, начало которому положила Великая Французская революция. Не секрет, что наполеоновские войны породили, помимо всего прочего, в европейской общественно-политической мысли мощное движение национализма (в его первоначальной, романтической окраске). Этот романтический

национализм, «вальтерскоттовщина», не мог не оказать серьезнейшего воздействия на русских интеллектуалов, ибо, как отмечал отечественный историк и филолог Б.А. Успенский «Россия всегда была эксплицитно ориентирована на чужую культуру. Сперва это была ориентация на Византию, затем – на Запад. Реформы Владимира Святого, ознаменовавшие приобщение Руси к византийской цивилизации, и реформы Петра I, декларировавшие приобщение России к цивилизации западноевропейской, обнаруживали принципиальное сходство; реформы эти, в сущности, аналогичны по характеру – меняется лишь культурный ориентир. В одном случае провозглашается принцип «ex Oriente lux», в другом – «ex Occidente lux», однако в обоих случаях ценности задаются извне, и это с необходимостью предполагает сознательное усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем (выделено нами – Т.П.)...» [14, с. 5].

Естественно, что в процессе освоения, «трансплантации» новой культурной модели на русскую почву то, что начало прорастать, очень скоро приобрело ярко выраженный местный колорит и характер. Об этом можно вести речь, пожалуй, с того момента, как в русской интеллектуальной среде завязалась дискуссия между славянофилами и западниками, на которую наложилась доктрина «официальной народности», сформулированная и продвигаемая министром народного просвещения графом С.С. Уваровым¹.

Именно в это время в русском общественном мнении сложились три основных «направления» (или «пути») в изучении отечественной истории, эволюцию и историю которых можно с легкостью проследить вплоть до наших дней. Любопытную характеристику этим «путям» дал младший

¹ С.С. Уваров – личность весьма противоречивая и недооцененная ни современниками, ни тем более потомками. Между тем, американская исследовательница Цинтия Х. Виттекер в своей биографической работе о графе отмечала, что, в частности, «Уваров делал все возможное и необходимое для России своего времени. Он заложил основы будущего развития, так как сумел вырастить хорошо образованную и просвещенную элиту, – это была важнейшая предпосылка для всесторонней модернизации, начавшейся в следующее царствование...» [2, с. 109-110]. И, кстати говоря, Н.Н. Страхов, как и Н.Я. Данилевский, о которых и пойдет речь дальше, сформировались как ученые и как мыслители в рамках системы, созданной попечением и усилиями Уварова.

современник Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского немецкий философ Ф. Ницше в своем небольшом философском (или историософском?) эссе «О пользе и вреде истории для жизни». Сочинение это, на наш взгляд, незаслуженно забыто историками, хотя весьма и весьма любопытно. Стоит процитировать несколько его важнейших наблюдений, которые имеют непосредственное отношение к истории нашей исторической науки в рассматриваемый период.

Итак, что же писал немецкий философ? «Нам нужна история, – писал он, – но мы нуждаемся в ней иначе, чем избалованный и праздный любитель в саду знания (камень в огород деятелей эпохи Просвещения? – Т.П.), с каким бы высокомерным пренебрежением последний ни смотрел на наши грубые и неизящные потребности и нужды. Это значит, что она нужна нам для жизни и деятельности, а не для удобного уклонения от жизни и деятельности...» [5, с. 159].

Руководствуясь этим тезисом, Ницше выделил три, как он выразился, «рода» истории – «монументальный, антикварный и критический» [5, с. 168]. «История принадлежит прежде всего деятельному и мощному, тому, кто ведет великую борьбу, кто нуждается в образцах, учителях, утешителях и не может найти таковых между своими современниками и в настоящем ... то, что однажды помогло развернуть и наполнить еще более прекрасным содержанием понятие “человек”, то должно быть сохранено навеки, чтобы вечно выполнять это назначение. Что великие моменты в борьбе единиц образуют одну цепь, что эти моменты, соединяясь в одно целое, знаменуют подъем человечества на вершины развития в ходе тысячелетий ... – в этом именно и находит свое выражение основная мысль той веры в человечество, которая вызывает требование монументальной истории» [5, с. 168-169]. Ницше отмечал, что значимость монументальной истории заключается еще и в том (и это, пожалуй, самое важное в его характеристике), что, обращаясь к истории, мыслящий субъект «научается понимать, что то великое, которое некогда существовало, было, во всяком случае, хоть раз возможно, и что поэтому оно может стать возможным когда-нибудь еще раз», почему «он (этот субъект – Т.П.) совершает свой путь с большим мужеством, ибо теперь сомнения в осуществлении его желаний, овладевающие им в минуты слабости, лишаются всякой почвы...» [5, с. 170-171].

Иначе выглядит, по мнению Ницше, суть «антикварной» истории – такая история

«принадлежит тому, кто охраняет и почитает прошлое, кто с верностью и любовью обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть; этим благоговейным отношением он как бы погашает долг благодарности за самый факт своего существования...». И, как следствие, восклицает Ницше, «чем могла бы история лучше служить жизни, как не тем, что она привязывает даже и менее избалованные судьбою поколения и народности к их родине и родным обычаям, делает их более оседлыми и удерживает от стремления искать счастья на чужбине и бороться за него с другими...». При этом он отмечает, что у «антикварной» истории есть одно очень полезное свойство – консерватизм – который выступает в данном случае как «спасительное и в высшей степени полезное с точки зрения интереса общества неразумие, как это хорошо известно каждому, кто ясно представляет себе ужасные последствия страсти к переселениям, в особенности когда она овладевает целыми группами народов, или кто наблюдал вблизи состояние народа, потерявшего преданность своему прошлому и ставшего жертвой неутомимых космополитически поисков...» [5, с. 175].

И наконец, третий и последний «род» истории, «критический». Характеризуя его сущность, Ницше указывал, что «человек должен обладать и от времени ко времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше». «Этой цели достигает он тем, – продолжал свою мысль философ, – что привлекает прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор», при этом, по мнению Ницше, «не справедливость здесь творит суд и не милость диктует приговор, но только жизнь как некая темная, влекущая, ненасытно и страстно сама себя ищущая сила. Ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не происходят из чистого источника познания...» [5, с. 178].

Еще более интересен вывод, который сделал Ницше из всех этих рассуждений. «Каждый человек и каждый народ нуждается, – отмечал он, – смотря по его целям, силам и потребностям, в известном знакомстве с прошлым в форме то монументальной, то антикварной, то критической истории», при этом «знание прошлого во все времена признавалось желательным только в интересах будущего и настоящего, а не для ослабления современности, не для подрывания устоев жизнеспособной будущности» [5, с. 179].

Но вернемся от Ницше к российской исторической науке второй половины XIX в.

Вчитываясь в определения, что даны были немецким философом «родам» истории, нетрудно заметить, что труд С.М. Соловьева (как и предшествовавшее ему сочинение Н.М. Карамзина, во всяком случае, по произведенному общественному эффекту, а не по научной ценности) легко может быть отнесен к разряду «монументальных», тогда как сочинения «славянофилов» (те, которые могут быть с натяжкой отнесены к историческим) тяготеют к «антикварным», а большая часть работ «западников» скорее могут быть приписаны к «критическим». Но все они имели по преимуществу фактологический характер, не поднимаясь, как правило, до уровня высокой абстракции и не давая развернутого ответа на тот вопрос, что был поставлен нами в начале статьи. И вот в 1871 г. в свет вышла отдельным изданием книга Н.Я. Данилевского, «человека самостоятельно мыслящего, сильно убежденного, прямодушного в выражении своих мыслей», «Россия и Европа» (до этого опубликованная в виде серии статей в журнале «Заря») – книга, которая, по словам философа и критика Данилевского В.С. Соловьева, явилась неким связующим звеном между «идеями старых славянофилов и новейшим безыдейным национализмом» [1, с. 478, 486].

Не вдаваясь подробно с содержанием «России и Европы», отметим, что в своей книге Н.Я. Данилевский, который, как уже было сказано выше, сформировался как ученый и мыслитель внутри уваровской образовательной системы, попытался дать оригинальный ответ на основные вопросы исторического бытия применительно к России, руководствуясь тем самым принципом Ницше, о котором шла речь выше – использовать знание о прошлом в интересах будущего и настоящего. При этом Данилевский руководствовался, скорее, соображениями не историка-«антиквара», и уж тем более не «критика», но, скорее, «монументалиста». Руководствуясь тезисом о коренной несхожести России и Европы как разных культурно-исторических типов, Данилевский пришел к выводу, что Россия, «будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одной из великих европейских держав, Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противовесом Европе всей ее общности в целом. Вот выгода,

польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России» [3, с. 437].

Естественно, что такой подход не мог не вызвать бурного обсуждения, зачастую с негативным оттенком, особенно если учесть, что в 80-х гг., при Александре III, «доктрина» Данилевского хоть и не была официально поддержана властью, однако негласно исповедовалась и принималась за основу многими влиятельными лицами, например, начальником Главного штаба генералом Н.Н. Обручевым или русским послом в Константинополе А.И. Нелидовым [См.: 4, с. 182-183. С. 182-183; 6, с. 6, 7 и далее]. При господствующем в те времена в общественном мнении убеждении, что всё, что так или иначе связано с властью и ее политикой, должно восприниматься в негативном ключе, взгляды Данилевского, естественно, не могли не вызвать осуждения у целого ряда полагавших себя прогрессивными деятелей русской науки и культуры. И одним из немногих защитников и адвокатов Н.Я. Данилевского выступил Н.Н. Страхов (подчеркнем еще раз, что и он также получил образование в рамках уваровской школы), который сразу и бесповоротно встал на его сторону [13].

Н.Н. Страхов как человек своего времени, как философ, как мыслитель, конечно же, не мог остаться в стороне от обсуждения животрепещущих вопросов современности. И, само собой, не мог не откликнуться и на волновавшие тогда русское мыслящее общество исторические вопросы и проблемы. О его взглядах на историю и ее место в жизни общества отдельно взятого человека можно судить, к примеру, по гневной рецензии на критическую статью А.Н. Пыпина о Карамзине, вышедшей в 1870 г. [8].

Анализируя этот текст, нетрудно заметить, что осуждаемый Страховым Пыпин относится к тем самым «критическим» историкам (по классификации Ницше), которые из благих побуждений привлекают прошлое на суд истории и выносят ему, прошлому, свой нелюбимый и пристрастный приговор. «Странная и поистине горькая судьба! За какой бы предмет ни взялся г. Пыпин, какую бы книжку, самую редкую и многозначительную, даже насторожайше запрещенную, он ни стал рассматривать (желая сделать из нее журнальную статью), – пишет Н.Н. Страхов, – всегда повторяется одна и та же история». Какая, встает вопрос, и философ дает на него ответ: «Всегда сущность дела, истинный интерес и главный смысл книжки ускользает из рук, проходит сквозь пальцы г. Пыпина и

оставляет ему одну пустую шелуху, сор и грязь исторических случайностей, пыль и паутину веков. С презрением отряхает г. Пыпин эту дрянь со своих либеральных пальцев и хватается за новый предмет, за новую книжку; но увы! с ними повторяется то же, что было с прежними». И, подытоживая сказанное, Страхов с горечью констатировал, что «вот уже многие годы продолжается эта работа; весь в пыли и грязи сидит г. Пыпин и всё еще не отчаивается, всё еще думает, что дело делает. И будет он так думать и действовать до конца дней своих. И составит он себе из этой пыли и грязи пьедестал, на котором будет гордо красоваться» [8].

Сам же Страхов может быть позиционирован, с одной стороны, как «антиквар» (что особенно хорошо видно в первых строках его рецензии – оцените его слог, когда он вспоминает о своей юности: «О моя семинария! Когда-нибудь я напишу о тебе "особую поэму", разумеется в прозе, но – никогда я не помяну тебя лихом. Ты запечатлелась в моем воображении картиною светлую, идилическою»), а с другой стороны – как типичный «монументалист» (оценка Страховым значения карамзинской «Истории»: «Бессмертное, непостижимое дело! Нужна была гениальная прозорливость, чтобы угадать важность и силу государственного характера нашей истории; нужен был ум, бесконечно ясный и чуткий, чтобы понять, что точка зрения нравственная и художественная, то есть вековая точка зрения, одна могла быть твердою опорой для создания нашей истории, что всякая иная точка зрения неминуемо увлекла бы историка во взгляды ложные и поверхностные» [8]). Как «монументалист», Страхов подошел и к оценке главного труда Н.Я. Данилевского, его «России и Европы».

Этой оценке посвящен целый ряд статей Н.Н. Страхова и некоторые его отдельные работы, в особенности те из них, что были связаны с полемикой вокруг «России и Европы», вызванной критическими и порой весьма пристрастными замечаниями в адрес Данилевского со стороны известного русского философа В.С. Соловьева. В ходе дискуссии с Соловьевым на страницах печатных изданий исторические взгляды Страхова проявились как нельзя более ярко и отчетливо. Уже в 1869 г. он однозначно высказывается в пользу тезиса, высказанного Н.Я. Данилевским, что нет единой общечеловеческой культуры, но «всякая культура, по самой сущности дела, носит на себе известные ограничения, составляет частное, обособленное проявление человеческого развития, и потому

всегда принадлежала и будет принадлежать только некоторому племени, достигающему степени культурно-исторического типа, а никак не всему человечеству». При этом, соглашаясь с Данилевским, Страхов указывал, что «как всечеловеческая цивилизация, и по свидетельству истории и по философскому взгляду, которого держится г. Данилевский, есть дело недостижимое, невозможное», так и сама по себе история «не может состоять из ряда шагов, постепенно приближающихся к такой цивилизации», ибо она, «как и все в мире, *есть смена частных явлений, в которых общее никогда не выражается во всей своей полноте*». Значит, приходит к выводу Страхов, «*всякая культура есть частная*», и тогда «общечеловеческое или, правильнее, всечеловеческое *не может существовать в виде некоторой действительной культуры, а существует только в идее, как общая задача человечества, которую оно осуществляет* всей своей исторической жизнью, т. е. *разновременно и разноместно* (выделено нами – Т.П.)...» [13].

Этот тезис Н.Н. Страхов считает самым главным в теории Данилевского по той простой причине, что, приняв такой взгляд, взглянув на историю под таким углом зрения, можно выбраться, наконец, «из того лабиринта противоречий, в котором нас держат обыкновенные понятия об истории». В целом, еще в самом начале похода в защиту взглядов Данилевского, Страхов полагал, что его «Россия и Европа» относится к тем самым работам, которые «совмещают в себе и завершают собою целые периоды в развитии науки, литературы, изображают собою смысл целого направления духовной деятельности», подобно тому как это сделали Пушкин, Карамзин, Дарвин или Гегель. И осторожно предполагая, что «мы не возьмемся сейчас сказать, в какой мере эта книга завершает и совмещает в себе славянофильские учения – это другой вопрос», Страхов, тем не менее, не сомневался в том, что «она имеет такое завершающее и представительное значение», поскольку «быть может, со временем Н. Я. Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» (и это при том, что, как показывает Н.Н. Страхов, сам Данилевский, в отличие от славянофилов, «не держится германской философии, не стоит к ней даже и в тех очень свободных отношениях, в которых стоят славянофилы. Следовательно, в известном смысле, он самостоятельнее» [12]). И, что важнее всего (и тут Н.Н. Страхов оказался совершенно

прав), «если имя Хомякова никогда не забудется в истории русской мысли, то может быть то, что сказал Данилевский, будет более памятно, сильнее и яснее отразится в умах» [12]. Согласитесь, что здесь Страхов действительно оказался пророком – значение единственной работы Данилевского, посвященной проблемам исторического развития, оказалось более значимым, нежели множество статей и прочих сочинений, что были написаны славянофилами за всё время существования этого идейного течения! Отраднее ощущать, что именно Н.Н. Страхов был одним из первых, кто действительно понял и прочувствовал всю значимость и важность идей Н.Я. Данилевского, которые приобрели особое звучание именно сегодня, в эпоху глобализации и унификации и обеднения, примитивизации национальных культур под давлением «культурного катка» западной (читай – американской) массовой культуры (и в этом плане оппонент Н.Н. Страхов и страстный критик Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьев, выступает своего рода апологетом грядущей глобализации, рассматривая ее, правда, несколько иначе, чем она видится сегодня).

Более того, разработанная Данилевским теория культурно-исторических типов (Н.Н. Страхов подчеркивает: предположения, что Данилевский позаимствовал свою идею из сочинений немецкого историка Г. Рюккерта, не имеют под собой основания, Данилевский в своих построениях вполне оригинален и самостоятелен, хотя некоторое идейное сходство между Рюккертом и Данилевским можно разыскать при определенных усилиях [11, с. 480, 482, 483, 484-485, 486-487 и далее]) тем ценнее, по мнению Страхова, что «только следуя теории культурно-исторических типов, мы не отрицаем, а напротив, признаем в надлежащей степени важность результатов, добытых историей человечества. Именно потому, что человечество осуществляет свою идею разновременно и разноместно, что ни одна из частных культур не составляет полного выражения этой идеи, – исторические явления получают характер незаменимых образцов, и история сохраняет для нас свой великий интерес, какой бы прогресс у нас ни совершался» [13].

И еще одно важное замечание, сделанное Н.Н. Страховым в начале дискуссии вокруг концепции Данилевского. Отвечая критикам, которые доказывали эпитонство Данилевского по отношению к славянофилам, высказывавшим де идеи, очерченные им в своей работе, много раньше, Страхов указывал, что «дело не в том, что выводы статьи "Россия и Европа" более или менее совпадают с взглядами славянофилов;

важно то, что эти выводы опираются на новые общие начала, следовательно, озаряются новым светом, выдерживают новую поверку, связываются воедино новой связью», но в том, что «не говоря о новизне и оригинальности частных замечаний и выводов, мы имеем право смотреть на эту статью, взятую в целом, как на важный шаг вперед в той области предметов, которой она посвящена», поскольку она «касается вопросов, уже давно и глубоко интересующих каждого истинно-русского человека, и содержит новую, более точную формулировку этих вопросов и их решения» [13].

Однако не только в процессе обсуждения «России и Европы» высказаны были Н.Н. Страховым любопытные наблюдения и замечания, позволяющие составить мнение о его взглядах на историю, и в особенности, на методологию истории как науки. Так, анализируя творчество видного французского историка и мыслителя И. Тэна, он указывал, что при изучении истории не обойтись без методологии. Как бы с удивлением Страхов отмечал, что «Тэн как будто хотел приступить к делу (изучению истории Франции – *Т.П.*) с пустыми руками, не имея никаких мнений, и составить себе мнения эмпирически, посредством тщательного изучения фактов», поскольку, по убеждению Страхова (и в этом мы с ним согласны), «в действительности такие приемы в изучении истории вовсе невозможны». И связано это не в последнюю очередь с тем, что «приступая к истории, мы непременно приносим с собою известные понятия, и чем эти понятия шире, гибче, выше, чище, тем лучше и успешнее идет дело; чем они уже, грубее, низменнее, тем хуже выходит дело» [9], а значит, без четко отработанной методологии изучать историю нельзя. Кстати, возможно, именно с этим связана та пылкость, с которой Н.Н. Страхов выступил в защиту концепции Н.Я. Данилевского, ибо в ней он увидел тот ключ, повернув который, можно было открыть дверь к истинному пониманию сути истории и ее процесса.

И завершим наше небольшое эссе фразой Н.Н. Страхова, которая отражает, на наш взгляд, одну из важнейших причин кризиса, который поразил нашу современную историческую науку и которую неплохо бы помнить всем историкам, в особенности начинающим. Вот она: «Кто никогда в юности не испытывал твердого умственного убеждения, для того строгое научное познание никогда не открывалось в полной своей силе и прелести, ... для того ум и мышление навсегда

останутся не серьезным делом души, а лишь какою-то забавою» [10].

Литература

1. Византизм и славянство. Великий спор. Хрестоматия; ред. Е.Н. Басова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 736 с.
2. Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 350 с.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. М., 1888. 591 с.
4. Нелидов, А.И. Записка А.И. Нелидова о занятии Проливов // Красный архив. 1931. № 3 (46). С. 179-187.
5. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения. Т. 1. М. Мысль, 1990. С. 158-230.
6. Обручев, Н.Н. Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению // Источник. Документы русской истории. 1994. № 6. С. 4-21.
7. Повесть Временных лет. СПб.: Наука, 1999. 668 с.
8. Страхов, Н.Н. (Н. Косица). Вздох на гробе Карамзина (письмо в редакцию «Зари» // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0030.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
9. Страхов, Н.Н. Заметки о Тэне // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
10. Страхов, Н.Н. Историки без принципов (Заметки об Ренане и Тэне) // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1886_istoriki_bez_print_zipov_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
11. Страхов, Н.Н. Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 489-512.
12. Страхов, Н.Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому Н. Я. Данилевского // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
13. Страхов, Н.Н. «Русский Вестник» о статье «Россия и Европа» // Lib.ru. Классика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (дата обращения 23.05.2016 г.)
14. Успенский, Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 680 с.

References

1. *Byzantium and the Slavs. The Great Debate*. Ed. E.N. Basova. Moscow: Eksmo-Press, 2001. 736 p. (in Russ.)
2. Whittaker, C. H. *Count Sergey Uvarov and His Time. [The Origins of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786-1855]*. St.Petersburg: Humanitarian agency "Akademicheskii proekt", 1999. 350 p. (in Russ.)
3. Danilevsky, N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow, 1888. 591 p. (in Russ.)
4. Nelidov, A. I. A.I. Nelidov's Note on the Straits Occupation (in Russ.) // *Krasny arkhiv*. No. 3 (46) (1931). Pp. 179-187.
5. Nietzsche, F. On the Use and Abuse of History for Life *Works*. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1990. Pp. 158-230. (in Russ.)
6. Obruchev, N. N. The Main Historical Issues in Russia and Our Willingness to Address them (in Russ.) *Istochnik. Dokumenty russkoy istorii. [Source. Documents of Russian history]* No. 6. 1994. Pp. 4-21.
7. The Tale of Bygone Years. St.Petersburg: Nauka, 1999. 668 p. (in Russ.)
8. Strakhov, N. N. A Sigh at Karamzin's Tomb (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_0030.shtml (date of access: May 23, 2016)
9. Strakhov, N. N. Notes on Hippolyte Taine (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
10. Strakhov, N. N. Historians without Principles (Notes on Ernest Renan and Hippolyte Taine) (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1886_istoriki_bez_print_zipov_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
11. Strakhov, N. N. Historical Standpoints of H. Ruckert and N. Danilevsky (in Russ.) *The Struggle with the West*. Moscow: Publisher Institute of Russian civilization, 2010. Pp. 489-512.
12. Strakhov, N. N. Russia and Europe. A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World in the German-Romanesque by N.Ya. Danilevsky (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
13. Strakhov, N. N. "Russky Vestnik" about the Article "Russia and Europe" (in Russ.) *Lib.ru. Klassika.* [Online] URL: http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1871_danilevsky_oldorfo.shtml (date of access: May 23, 2016)
14. Uspensky, B. A. *The King and the Patriarch: The Charisma of Power in Russia (The Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation)*. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1998. 680 p. (in Russ.)

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и теологии, социально-теологический факультет, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTOR:

Tatiana M. Penskaya, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: penskaya@bsu.edu.ru